

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

24 октября 2016 г.

г. Ростов-на-Дону

Северо-Кавказский окружной военный суд в составе:
председательствующего Колесника А.В.,
судей Подольского Р.В. и Катаяна Р.Г.,
при секретарях судебного заседания Хандилян Л.А. и Каминской М.В.,
с участием государственного обвинителя – старшего прокурора отдела
прокуратуры Республики Дагестан советника юстиции Мусаева А.М.,
подсудимого Магомедова М., защитников Заикина П.И. и Хасавова Д.З. в
открытом судебном заседании, рассмотрел уголовное дело в отношении
гражданина

Магомедова Магомеднаби, родившегося
3 октября 1972 г. в с. Сильди Цумадинского
района Республики Дагестан, судимого
16 марта 2015 г. Хасавюртовским городским
судом Республики Дагестан по ч. 1 ст. 282 УК
РФ к штрафу в размере 150 000 руб. (штраф
уплачен 27 марта 2015 г.), с основным общим
образованием, женатого, имеющего на
иждивении 8 детей (в том числе –
5 малолетних), зарегистрированного по
адресу: Республика Дагестан, г. Хасавюрт,
пер. Речной, д. 3, кв. 52,

обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205² и ч. 1
ст. 282 УК РФ.

Судебным следствием военный суд

УСТАНОВИЛ:

В 12-м часу 5 февраля 2016 г. в г. Хасавюрте Республики Дагестан
Магомедов, являясь имамом мечети «Восточная», выступил перед
собравшейся в мечети группой лиц с проповедью, содержащей высказывания,
призывающие признать идеологию и практику терроризма правильными,
нуждающимися в поддержке и подражании, то есть публичное оправдание
терроризма, а также призывы, направленные на возбуждение вражды по
признаку отношения к религии, принадлежности к представителям власти и
сотрудникам правоохранительных органов.

В судебном заседании подсудимый Магомедов виновным себя в
предъявленном обвинении не признал и пояснил, что в его публичном
выступлении перед собравшимися в мечети, которых было несколько тысяч

человек, не было оправдания терроризма, как и высказываний, направленных на возбуждение ненависти либо вражды.

При этом подсудимый пояснил, что в своей проповеди упоминал лишь отдельных сотрудников правоохранительных органов, допуская, по его мнению, превышение своих полномочий.

Несмотря на непризнание вины, виновность подсудимого Магомедова подтверждается следующими доказательствами, представленными сторонами.

Свидетели Кабаев, Абдуллаев, Алиев, Базаев, Ашалов, Магомедов М.А. и Джамалова в суде показали, что 5 февраля 2016 г. в числе значительного количества прихожан они присутствовали в мечети «Восточная» и слушали проповедь имама Магомедова, который призывал объединяться для оказания помощи мусульманам в связи с их притеснениями со стороны правоохранительных органов.

Свидетель Кабаев при этом уточнил, что 5 февраля 2016 г. в мечети присутствовало большое количество людей и примерно столько же слушали проповедь через ретранслятор на улице. Также в тот день был заранее приглашён оператор для видеосъёмки именно этой проповеди Магомедова и её последующего размещения в сети «Интернет».

Кроме того, из оглашенных в суде в порядке ч. 3 ст. 281 УПК РФ показаний свидетелей Базаева, Магомедова М.А. и Ашалова, а также из показаний в суде свидетелей Ахмедова (псевдоним) и Сулейманова усматривается, что во время проповеди Магомедов призывал мусульман-салафитов объединяться против государственной власти и сотрудников правоохранительных органов.

Согласно протоколу исследования предметов и документов от 12 февраля 2016 г., в сети «Интернет» обнаружен видеоролик «Пятничная хутба 05.02.2016 Мухаммад Наби в Восточной Мечети Хасавюрта», который скопирован на компакт-диск.

При этом, свидетели Дадаев, Шахбанов и Рамазанов в суде показали, что 12 февраля 2016 г. в качестве понятых и специалиста соответственно, принимали участие в осмотре, в ходе которого в сети «Интернет» в свободном доступе ими был обнаружен вышеуказанный видеоролик, который после просмотра был скопирован на диск.

Как усматривается из протокола осмотра предметов (компакт-диска) от 29 марта 2016 г., а также из исследованного в судебном заседании видеоролика под названием «Пятничная хутба 05.02.2016 Мухаммад Наби в Восточной Мечети Хасавюрта», имам Магомедов произносит перед присутствующими в мечети людьми публичную речь.

По заключению эксперта-лингвиста на видеозаписи «Пятничная хутба 05.02.2016 Мухаммад Наби в Восточной Мечети Хасавюрта» имеются слова и высказывания, призывающие признать идеологию и практику терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. Кроме того, на видеозаписи имеются слова и высказывания, содержащие призывы к осуществлению враждебных и насильственных действий в отношении лиц определённой религии, одной социальной группы против другой (против

представителей власти и правоохранительных органов), в адрес которых также имеются слова и высказывания, содержащие резкую негативную оценку, выражающие неприязненное и враждебное отношение.

Стороной защиты в обоснование утверждения о невинности подсудимого заявлены следующие доводы.

В судебном заседании подсудимый и защитники пояснили, что подвергают сомнению вышеуказанное заключение эксперта-лингвиста, в связи с чем просили суд признать его недопустимым доказательством. В обоснование заявленного ходатайства сторона защиты указала на то, что эксперт Аджаматова в нарушение требований уголовно-процессуального закона приняла поручение о производстве экспертизы непосредственно от следователя. При этом, ознакомление обвиняемого и защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы произошло значительно позже с момента её назначения, что не позволило реализовать права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. Помимо этого, по мнению стороны защиты, в своём заключении эксперт Аджаматова вышла за пределы своей компетенции и дала правовую оценку деяниям подсудимого, в проповеди которого усмотрела призывы, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также содержащие оправдание терроризма. По мнению защиты, подобное заключение свидетельствует о возможной служебной заинтересованности эксперта и её предвзятом отношении.

Также сторона защиты обратила внимание на дату подписки эксперта о предупреждении об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ от 11 февраля 2016 г., то есть до возбуждения уголовного дела.

Кроме того, в обоснование заявленного ходатайства о признании заключения эксперта недопустимым доказательством сторона защиты сослалась на приобщённые в ходе судебного заседания в качестве иных документов заключение комиссии «экспертов» от 14 июня 2016 г. и заключение комиссии специалистов от 24 сентября 2016 г., а также показания специалиста Нефляшевой.

Помимо этого, сторона защиты обратила внимание на изложенные выше показания допрошенных в суде свидетелей Кабаева, Абдуллаева, Алиева, Базаева, Ашалова, Магомедова М.А. и Джамаловой, которые пояснили, что в проповеди подсудимого не имелось инкриминируемых ему призывов, а содержались лишь призывы к объединению. Что касается оглашённых показаний свидетелей Базаева, Магомедова М.А. и Ашалова, то сторона защиты обратила внимание на то, что в суде свидетели их не подтвердили.

Также сторона защиты сослалась на показания в суде свидетелей Расулова и Нажмудинова о том, что подсудимый активно занимался проблемами прихожан, являясь сторонником диалога с властями и решения проблем правовыми способами.

Кроме того, на стадии прений сторон подсудимый заявил о том, что при выполнении требований ст. 222 УПК РФ ему была вручена копия обвинительного заключения, в которой отсутствовало несколько листов.

Давая оценку вышеизложенным доводам, суд признаёт их необоснованными, поскольку они противоречат совокупности исследованных в судебном заседании доказательств и не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

Довод о несогласии с выводами, содержащимися в заключении эксперта-лингвиста, а также заявленное стороной защиты ходатайство о признании данного доказательства недопустимым, судом признаются необоснованными по следующим основаниям.

С учётом имеющегося в материалах уголовного дела сопроводительного письма к постановлению о назначении судебной экспертизы в адрес руководителя отдела криминалистики СУ СК России по Республике Дагестан с просьбой об организации исполнения экспертизы (т. 1 л.д. 130) и ответного сопроводительного письма о направлении заключения эксперта (т. 1 л.д. 135), суд не усматривает нарушения предусмотренного ч. 1 ст. 199 УПК РФ порядка направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы. В связи с этим довод стороны защиты о том, что эксперт приняла поручение о производстве экспертизы непосредственно от следователя является необоснованным.

Также является необоснованным довод о нарушении прав при назначении и производстве судебной экспертизы. Согласно протоколу ознакомления обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении судебной экспертизы от 2 июня 2016 г. (т. 1 л.д. 133-134), после ознакомления с постановлением и разъяснением прав, предусмотренных ч. 1 ст. 198 УПК РФ, от Магомедова и его защитника Гададова каких-либо заявлений и ходатайств не поступило. При этом, указанное ознакомление состоялось до производства судебной экспертизы, которая была окончена 7 июня 2016 г. Кроме того, 20 июня 2016 г. обвиняемый, а также его защитники Гададов и Заикин были ознакомлены с заключением эксперта, при этом также каких-либо заявлений и ходатайств не высказывали.

С учётом изложенного, суд не усматривает нарушения чьих-либо прав при назначении и производстве судебной экспертизы, предусмотренных ч. 1 ст. 198 УПК РФ и п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

Довод стороны защиты о дате подписки эксперта о предупреждении об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ устранён в судебном заседании путём допроса эксперта Аджаматовой, которая пояснила, что допустила опечатку. Данный факт является очевидным, поскольку эксперт не могла производить судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела и направления ей соответствующих материалов.

Таким образом, суд не находит предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований для удовлетворения ходатайства стороны защиты о признании заключения эксперта недопустимым доказательством.

Что касается доводов подсудимого о несогласии с заключением эксперта-лингвиста и о том, что в его публичном выступлении отсутствуют

высказывания, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на оправдание терроризма, суд расценивает их как одно из средств защиты подсудимого, реализованное им с целью избежать уголовной ответственности за содеянное, и признаёт необоснованными.

Оценив вышеуказанное заключение в совокупности с другими исследованными в судебном заседании доказательствами, а также показаниями эксперта Аджаматовой, суд приходит к выводу о том, что оно является аргументированным и научно обоснованным. Это заключение достаточно подробно мотивировано, разъяснено в ходе судебного заседания самим экспертом, основано на представленных ей для исследования объективных данных. Данная лингвистическая экспертиза произведена государственным судебным экспертом, имеющим необходимую квалификацию в области филологии, а поэтому суд кладёт это заключение в основу приговора.

Это заключение согласуется с показаниями свидетелей Ахмедова (псевдоним) и Сулейманова, а также оглашёнными показаниями свидетеля Магомедова М.А., которые, впервые побывав 5 февраля 2016 г. на проповеди имама Магомедова, услышали в ней призывы к насилию и объединению против государственной власти и сотрудников правоохранительных органов.

При этом суд отвергает довод стороны защиты о том, что эксперт вышла за пределы своей компетенции и дала правовую оценку, поскольку в заключении эксперта не содержится выводов о наличии (отсутствии) в проповеди Магомедова каких-либо призывов. Кроме того, стороной защиты не представлено каких-либо данных, свидетельствующих о возможной служебной зависимости эксперта Аджаматовой, либо её предвзятом отношении, из материалов уголовного дела таких сведений также не усматривается.

Давая оценку приобщённым в судебном заседании по ходатайству стороны защиты в качестве иных документов заключению комиссии «экспертов» от 14 июня 2016 г. и заключению комиссии специалистов от 24 сентября 2016 г., суд признаёт, то они не могут быть признаны доказательствами, ставящими под сомнение вышеуказанное заключение эксперта.

Как установлено в ходе допроса специалиста Нефляшевой, предметом исследования при даче лингвистического заключения от 14 июня 2016 г. являлась, в том числе, представленная специалистам и составленная защитником, с его пометками и пояснениями, стенограмма речи Магомедова, отличающаяся от исследованной в судебном заседании.

Что касается второго заключения комиссии специалистов от 24 сентября 2016 г., то суд обращает внимание, что действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрено проведение иными лицами подобного исследования, предметом которого является заключение эксперта, в том числе, с точки зрения соблюдения требований законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность, а также процедуру и порядок назначения экспертизы. При этом, данное заключение содержит субъективные выводы «специалистов» о наличии, по их мнению, в

заключении эксперта Аджаматовой существенных недостатков, в совокупности позволивших им прийти к выводу о его недостоверности.

Давая оценку тексту проповеди, с которой выступал подсудимый, судом признаётся необоснованным его довод о том, что в проповеди он упоминал лишь отдельных сотрудников правоохранительных органов, допуская превышение своих полномочий. При этом суд учитывает и то, что публичная речь Магомедова была адресована им не только к присутствующим в мечети, которых было несколько тысяч человек, но и к другим лицам, поскольку проповедь снималась специально приглашённым оператором на видеокамеру с целью последующего размещения в сети «Интернет», то есть предназначалась и стала доступна неограниченному кругу лиц.

Оценивая показания свидетелей Кабаева, Абдуллаева, Алиева и Джамаловой об отсутствии в проповеди подсудимого инкриминируемых ему призывов, то суд исходит из того, что эти показания носят субъективный характер и опровергаются совокупностью иных исследованных в судебном заседании доказательств, в том числе заключением эксперта и показаниями других свидетелей.

Что касается оглашённых в судебном заседании показаний свидетелей Базаева, Ашалова и Магомедова М.А., то суд учитывает, что Базаев и Ашалов являются работниками мечети «Восточная», а потому находятся в зависимости от подсудимого. В связи с этим к их показаниям в судебном заседании суд относится критически, находит их не соответствующими фактическим обстоятельствам дела и данными с целью помочь подсудимому избежать уголовной ответственности за содеянное. Свидетель Магомедов М.А. в суде показал, что не помнит свои показания, данные на предварительном следствии. При этом, все перечисленные свидетели в судебном заседании подтвердили, что перед подписанием протокола допроса им была предоставлена возможность ознакомиться с его содержанием, а при его подписании каких-либо замечаний и дополнений у них не имелось.

В связи с этим, в основу приговора суд кладёт показания свидетелей Базаева, Ашалова и Магомедова М.А., данные ими на предварительном следствии. Указанные показания суд признаёт достоверными и непротиворечивыми, соответствующими фактическим обстоятельствам дела и согласующимися с совокупностью иных доказательств, исследованных в судебном заседании.

Оценивая показания свидетелей защиты Расулова и Нажмудинова о позиции подсудимого, направленной на решение проблем прихожан правовыми способами, суд приходит к выводу о том, что эти показания не свидетельствуют о невиновности Магомедова, поскольку не противоречат предъявленному ему обвинению.

Кроме того, суд считает не соответствующим фактическим обстоятельствам дела заявление подсудимого о нарушении его прав при вручении копии обвинительного заключения. Факт вручения Магомедову полного текста обвинительного заключения с приложениями подтверждается данной им распиской от 11 июля 2016 г., подлинность которой подсудимым не

оспаривается. Также это обстоятельства было им дважды подтверждено в ходе судебных заседаний, проводимых 26 июля и 19 августа 2016 г.

Таким образом, исследовав представленные доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу о том, что виновность подсудимого доказана.

Согласно обвинительному заключению, действия Магомедова, связанные с публичным оправданием терроризма, квалифицированы по ч. 1 ст. 205² УК РФ, то есть органом предварительного следствия применена иная, действующая редакция уголовного закона, ухудшающая положение подсудимого, а не действовавшая во время совершения им деяния.

В связи с этим суд приходит к выводу о том, что изложенные в описательной части приговора действия Магомедова, который 5 февраля 2016 г., являясь имамом мечети, выступил перед собравшейся в мечети группой лиц с речью, содержащей высказывания, призывающие признать идеологию и практику терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, то есть с публичным оправданием терроризма, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), что не ухудшает положение подсудимого.

Кроме того, согласно обвинительному заключению, Магомедов обвиняется по ч. 1 ст. 282 УК РФ в действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды к группе лиц по признакам отношения к религии, а также принадлежности к социальной группе, совершённых публично.

В прениях сторон государственный обвинитель в соответствии с п. 1 ч. 8 ст. 246 УПК РФ изменил предъявленное подсудимому Магомедову обвинение в сторону смягчения, исключив из предъявленного ему в этой части обвинения указание о совершении действий, направленных на возбуждение ненависти, поскольку указанное обстоятельство не подтверждается материалами уголовного дела.

Давая оценку изменению государственным обвинителем объёма предъявленного Магомедову обвинения, суд соглашается с его доводами, а также обращает внимание на то, что термины «ненависть» и «вражда» используются в уголовном законе для обозначения различающихся между собой мотивов преступлений экстремистской направленности. Поскольку мотив содеянного подсудимым предполагал последствия в виде каких-либо активных действий, а не создание определённой установки поведения, суд приходит к выводу о том, что его умысел был направлен на возбуждение вражды, а не ненависти. В связи с этим суд исключает из объёма предъявленного Магомедову обвинения квалифицирующий признак «возбуждение ненависти» как излишне вменённый.

Также суд обращает внимание, что при квалификации действий Магомедова по ч. 1 ст. 282 УК РФ органом предварительного следствия применена иная, действующая редакция уголовного закона, ухудшающая положение подсудимого, а не действовавшая во время совершения им деяния, в связи с чем суд приходит к выводу о том, что действия Магомедова, выразившиеся в публичных призывах, направленных на возбуждение вражды

по признаку отношения к религии, а также принадлежности к социальной группе (представителей власти и сотрудников правоохранительных органов), подлежат квалификации по ч. 1 ст. 282 УК РФ (в редакции Федеральных законов от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ и от 3 февраля 2014 г. № 5-ФЗ), что не ухудшает положение подсудимого и не нарушает его право на защиту.

При назначении наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности преступлений и личность Магомедова, в том числе обстоятельства, смягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление подсудимого и на условия жизни его семьи.

В соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание подсудимому Магомедову, суд признаёт наличие у него 5 малолетних детей.

В качестве смягчающих наказание обстоятельств суд учитывает состояние здоровья его матери и представленные стороной защиты положительные характеристики.

При назначении подсудимому наказания суд также принимает во внимание, что согласно справкам-характеристикам, данным участковыми уполномоченными полиции, он характеризуется отрицательно.

В соответствии с п. 46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», отягчающим обстоятельством суд признает рецидив преступлений и назначает наказание с учётом требований ст. 68 УК РФ.

Учитывая обстоятельства дела, характер и степень общественной опасности совершённых преступлений, данные о личности подсудимого, а также влияние назначенного наказания на его исправление, суд полагает необходимым назначить Магомедову наказание в виде реального лишения свободы, поскольку иные, менее строгие виды наказаний не смогут обеспечить целей наказания.

Кроме того, с учётом характера и степени общественной опасности содеянного подсудимым, суд не находит оснований для изменения в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ категорий совершённых Магомедовым преступлений на менее тяжкие.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, с учётом обстоятельств содеянного Магомедовым и личности подсудимого, суд приходит к выводу о необходимости назначения ему отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

При разрешении судьбы вещественных доказательств суд руководствуется требованиями ст. 81 УПК РФ.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 302, 308 и 309 УПК РФ, военный суд

ПРИГОВОРИЛ:

Магомедова Магомеднаби признать виновным в действиях, направленных на возбуждение вражды по признаку отношения к религии,

принадлежности к социальной группе, совершённых публично, то есть в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 282 УК РФ (в редакции Федеральных законов от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ и от 3 февраля 2014 г. № 5-ФЗ), на основании которой назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 3 (три) года.

Его же признать виновным в публичном оправдании терроризма, то есть в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), на основании которой назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 4 (четыре) года.

На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ окончательное наказание по совокупности преступлений назначить осуждённому Магомедову М. путём частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы на срок 5 (пять) лет, с применением п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, в исправительной колонии общего режима.

Срок отбывания наказания исчислять осуждённому Магомедову М. с 24 октября 2016 г., с зачётом его задержания и времени содержания под стражей в связи с данным делом с 8 апреля 2016 г. по 23 октября 2016 г. включительно.

До вступления приговора в законную силу меру пресечения – заключение под стражу в отношении осуждённого Магомедова М., оставить без изменения и содержать его в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Ростовской области.

По вступлении приговора в законную силу вещественное доказательство по делу: DVD-R диск с видеоматериалом «Пятничная хутба 05.02.2016 Мухаммад Наби в Восточной Мечети Хасавюрта», хранящийся в материалах уголовного дела – оставить при нём в течение срока хранения последнего.

Приговор может быть обжалован в апелляционном порядке в Судебную коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в течение 10 суток со дня его постановления, а осуждённым Магомедовым М., содержащимся под стражей, – в тот же срок со дня вручения ему копии приговора.

В случае направления уголовного дела в Судебную коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации для рассмотрения в апелляционном порядке осуждённый вправе ходатайствовать о своем участии в заседании суда апелляционной инстанции, поручить осуществление своей защиты избранному им защитнику, отказаться от защитника либо ходатайствовать перед судом апелляционной инстанции о назначении ему защитника.

